Р2 8/26

Изданіе Императорскаго Археологическаго Института
имени Императора Николая II.

№ 1.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
ПЕРВАГО ЦАРЯ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ
МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА

А. П. Бѣльковскій.

Подъ редакціей преподавателя Императорскаго
Археологическаго Института Н. Н. Ардашева.

Москва.
1913.

Р 228/26

Изданіе Императорскаго Археологическаго Института
имени Императора Николая II.

№ 1.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
ПЕРВАГО ЦАРЯ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ
МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА

А. П. Бѣльковскій.

Подъ редакціей преподавателя Императорскаго
Археологическаго Института Н. Н. Ардашева.

Москва.
1913.

25188
29.IX.24

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II. 6 января 1913 года.

Директоръ Института *Александръ Успенскій.*

Избраніе на царство перваго царя изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳедоровича.

„Безъ государя Московское государство ничѣмъ не строится".

Триста лѣтъ тому назадъ 21 февраля 1613 года былъ избранъ на царство родоначальникъ нынѣ царствующаго дома Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Въ высшей степени интересна и для каждаго русскаго поучительна исторія этого избранія.

Теперь трудно и вообразить себѣ, что было 300 лѣтъ тому назадъ съ нашей Русской землей. Это было время страшнаго раззоренія и потрясенія Руси отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Это время носитъ названіе „Смут-

наго времени", такъ какъ „замутилась" тогда, по народному выраженію, вся Русская земля. То было время, когда, казалось, приходилъ конецъ Руси среди неописуемыхъ золъ и бѣдствій небывалыхъ и невиданныхъ. Это было истинное „лихолѣтье", какъ говорилъ тогда Русскій народъ.

Смутное время продолжалось на Руси цѣлыхъ 15 лѣтъ, отъ 1598 года до 1613 года, отъ начала царствованія царя Бориса Годунова и до избранія на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Еще при царѣ Борисѣ Годуновѣ стало тяжело жить русскимъ людямъ. Какъ извѣстно, Борисъ Годуновъ былъ избранъ царемъ потому, что родъ царскій къ тому времени прекратился: сынъ Іоанна Грознаго царевичъ Димитрій былъ зарѣзанъ въ Угличѣ какими-то наемными, неизвѣстно кѣмъ подосланными, убійцами. Молва народная гласила, что это злодѣйство было сдѣлано въ угоду Борису Годунову, который больше всѣхъ могъ разсчитывать на царскій престолъ и какъ родственникъ царю Ѳедору Іоанновичу и какъ правитель государства, ко-

торому государь довѣрялъ всѣ дѣла. Царь Борисъ зналъ, что о немъ говорили въ народѣ; зналъ, что эти слухи особенно усердно распускаются родовитыми боярами, которые не могли простить царю Борису его незнатнаго происхожденія. Естественно, что царь Борисъ всюду началъ видѣть враговъ себѣ. Онъ сталъ давать вѣру ложнымъ доносамъ на бояръ и по этимъ доносамъ отправлялъ ихъ въ ссылку, въ заточеніе. Гоненію и ссылкѣ подвергся, среди другихъ, и боярскій родъ Романовыхъ, особенно любимый народомъ и казавшійся поэтому царю Борису особенно опаснымъ. Подозрительность царя Бориса дошла до крайности: онъ рѣдко показывался народу, запирался во дворцѣ и, не довѣряя подданнымъ, окружилъ себя иноземной стражей. Доносчики получили теперь особую силу; имъ давались награды изъ имущества тѣхъ, на кого они доносили. „Люди боярскіе, говоритъ современникъ, сговорясь между собою человѣкъ по 5, по 6, одни шли доносить, а другихъ ставили во свидѣтели, такъ что господа не смѣли поднять глазъ на своихъ холоповъ. Братъ съ

братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить громко, и отъ этихъ окаянныхъ доносовъ пролилось много невинной крови и много людей померло отъ пытокъ; однихъ казнили, другихъ разсылали по темницамъ и разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ; ни при одномъ государѣ никто не видалъ такихъ бѣдъ".

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій въ теченіе трехъ лѣтъ подрядъ былъ полный неурожай, а отъ этого произошелъ страшный голодъ, къ которому присоединилось еще моровое повѣтріе. Разсказываютъ очевидцы того времени, что люди ѣли траву; у мертвыхъ находили навозъ во рту; ѣли собакъ, кошекъ и мышей; дѣло доходило до того, что мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ Въ одной Москвѣ погибли 300.000 человѣкъ. По всѣмъ дорогамъ образовались разбойничьи шайки, которыя грабили и убивали; многіе изъ крестьянъ бѣжали на окраины Московскаго Государства, къ казакамъ. Страшное тогда было время въ Москвѣ! Всѣ и во всемъ винили царя Бориса, и ненависть къ нему все возрастала.

Въ это-то время появился въ Польшѣ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, выдававшій себя за сына царя Іоанна Грознаго Димитрія, который, будто-бы, спасаясь отъ Годунова, бѣжалъ изъ Углича, гдѣ жилъ съ матерью, въ Польшу, а теперь хочетъ быть царемъ на московскомъ прародительскомъ престолѣ. Польскіе вельможи и самъ король польскій Сигизмундъ оказали всяческую поддержку этому самозванцу. Скоро онъ съ отрядами поляковъ казаковъ и всякаго рода проходимцевъ появился на границѣ Московскаго государства. Бояре, предводительствовавшіе царскимъ войскомъ, высланнымъ противъ самозванца, измѣнили царю и передались самозванцу. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, царь Борисъ неожиданно скончался. Самозванецъ безпрепятственно вступилъ въ Москву и провозгласилъ себя царемъ. Но не долго пришлось ему царствовать. Не по-царски держалъ себя Лжедимитрій въ Москвѣ: не почиталъ вѣры православной, обычаевъ народныхъ не уважалъ, далъ волю пріѣхавшимъ съ нимъ полякамъ, которые свысока смотрѣли теперь на русскихъ

людей и всячески оскорбляли ихъ. Женился Лжедимитрій на полькѣ Маринѣ Мнишекъ, не православной. Даже свадьбу царскую справили подъ Николинъ день (8 мая), чѣмъ прямо было оскорблено русское народное чувство. Всѣмъ теперь видно было, что не коренной русскій человѣкъ сидитъ на царскомъ престолѣ, а подлинный самозванецъ. Вскорѣ вспыхнулъ народный бунтъ. Самозванца схватили и умертвили.

Выбрали новаго царя изъ бояръ Василія Шуйскаго. Но и съ воцареніемъ Василія Шуйскаго смута не прекратилась въ Русской землѣ. Новый царь, избранный только москвичами, а не выборными всей Русской земли, далъ большую власть боярамъ: въ народѣ открыто говорили, что царь Василій — „царь боярскій“. Среди всеобщаго недовольства народнаго стали распространяться опять слухи, что царь Димитрій живъ, что онъ въ другой разъ спасся отъ убійцъ. Какъ ни нелѣпъ былъ этотъ слухъ, но народъ повѣрилъ ему. А повѣрилъ народъ потому, что новый самозванецъ говорилъ всѣмъ, что онъ будетъ „на-

роднымъ", а не „боярскимъ" царемъ. Съ большимъ отрядомъ поляковъ и казаковъ Лжедимитрій II-ой подступилъ къ Москвѣ, а отдѣльные его отряды разбрелись по всей Россіи, нападали на города и грабили жителей... Не будучи въ состояніи собственными силами справиться съ самозванцемъ, царь Василій обратился за помощью къ шведамъ, при содѣйствіи которыхъ и прогналъ самозванца, прозваннаго „Тушинскимъ воромъ", такъ какъ его главный лагерь былъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ. Но изъ-за союза съ Швеціей вышла новая бѣда: тогдашніе враги шведовъ поляки были возмущены ихъ союзомъ съ Москвой и объявили войну Москвѣ, а король польскій Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Противъ поляковъ было послано войско подъ начальствомъ царскаго брата Димитрія Шуйскаго, но оно было разбито. Это новое бѣдствіе возмутило народъ, и царь Василій Шуйскій былъ низведенъ съ престола и постриженъ въ монахи.

Послѣ низложенія царя Василія Шуйскаго наступило на Руси самое бѣдственное время, истинное „лихолѣтье". Повсюду бродили ка-

зацкія и польскія шайки и производили страшные грабежи. На сѣверѣ, въ Новгородской области, воевали шведы, изъ союзниковъ превратившіеся теперь во враговъ нашихъ; въ Смоленской области неистовствовали поляки, а на югѣ дѣйствовали шайки Лжедимитрія II. Царя теперь не было на Руси: наступило междуцарствіе, которое и продолжалось около трехъ лѣтъ. Всѣмъ въ государствѣ заправляла боярская дума, но ее мало кто слушалъ. Всѣ видѣли, что наступило время „безгосударное", а потому и самое пагубное: безъ царя всѣ возстали другъ противъ друга; никто никого не хотѣлъ слушать; никто никому не хотѣлъ подчиняться...

Сначала не могли люди русскіе согласиться, кого избрать въ цари. А царь былъ необходимъ: безъ царя все государство готово было разсыпаться... Патріархъ Гермогенъ, мужъ святой жизни и твердой воли, указывалъ, было, на молодого боярина Михаила Ѳедоровича Романова, но бояре рѣшили избрать Московскимъ царемъ польскаго королевича Владислава. А польскій король Сигизмундъ, узнавъ объ этомъ,

самъ захотѣлъ сдѣлаться царемъ Московскимъ... Поляки-же, послѣ избранія Владислава, были впущены въ Москву и стали господами положенія. Для всѣхъ русскихъ людей было ясно теперь, что надвинулась новая бѣда, опасность порабощенія со стороны поляковъ. Противъ поляковъ раздался голосъ неустрашимаго Гермогена, патріарха. Несмотря на преслѣдованія поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, которые согласились признать Сигизмунда царемъ, патріархъ Гермогенъ разсылалъ по всей Руси призывныя грамоты, въ которыхъ умолялъ русскихъ людей объединиться, пойти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ и избрать себѣ царя русскаго, природнаго. Города стали переписываться между собою и рѣшили, чтобы „всѣмъ быть въ совѣтѣ и единеніи“. Но первое народное ополченіе успѣха не имѣло: казаки убили предводителя ополченія Ляпунова, и дѣло разстроилось... Гермогена поляки уморили въ подземной темницѣ голодомъ: не стало тогда человѣка, котораго слушались и которому повиновались. А раззореніе Русской земли продолжалось: казаки и поляки бродили по всей

странѣ, безнаказанно грабили и разбойничали... Во Псковѣ появился третій самозванецъ и мутилъ народъ. Шведы взяли Новгородъ и хотѣли въ московскіе цари посадить своего, шведскаго, королевича. Опять возникли несогласія и раздоры между русскими областями. Столица русскаго народа — Москва была въ рукахъ поляковъ... Приходилъ, повидимому, конецъ царству русскому. Всюду было раззореніе, нестроеніе, нищета...

Тогда-то, наконецъ, очнулись русскіе люди; всѣ до единаго поняли, что, если не объединиться имъ, то сдѣлается Русь добычей поляковъ и шведовъ. Всюду сходились для земскаго совѣта крестьяне и горожане, чтобы всѣмъ міромъ надумать, какъ очистить Русскую землю отъ врага, поругателя святыни, и выбрать себѣ всею Землею своего царя. Появились и новые призывные грамоты. Иноки Троице - Сергіевой Лавры продолжали дѣло патріарха Гермогена, заклинали въ этихъ грамотахъ, которыя разсылались по всѣмъ городамъ, дружно возстать и идти на спасеніе вѣры и отечества. Горячѣе всѣхъ и дружнѣе

отозвался Нижній Новгородъ, бывшій средоточіемъ зажиточнаго торговаго Поволжья. Тамъ земскій староста Козьма Мининъ горячимъ призывомъ объединилъ нижегородцевъ и побудилъ идти всѣмъ на спасеніе Москвы. Въ Нижнемъ составилось новое земское ополченіе. Къ нижегородскому ополченію пристали ополченія другихъ городовъ. Это-то громадное земское ополченіе, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, и спасло Москву, очистивъ ее отъ поляковъ. Польскій король Сигизмундъ принужденъ былъ оставить Россію и, преслѣдуемый жестокимъ морозомъ и голодомъ, спѣшно отправился въ Польшу.

Первая и трудная задача — спасенія Руси отъ иноземнаго врага была исполнена. Предстояла еще другая великая и нелегкая задача—избраніе царя. Всѣ стали думать крѣпкую великую и важную думу объ избраніи природнаго русскаго царя. „Начальники-жъ и вси людіе, говоритъ лѣтописецъ, видя надъ собой милость Божію, начали думать, какъ бы имъ избрать государя на Московское государство праведно, чтобы данъ былъ отъ Бога, а не

отъ человѣкъ". Во всѣ города были разосланы грамоты съ повелѣніемъ прислать въ Москву выборныхъ по десяти человѣкъ „отъ всякихъ чиновъ", т. е. дворянъ, духовныхъ, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ, „для земскаго совѣту и для государева обиранья", то есть избранія. Такимъ образомъ, собрался первый всесословный Земскій соборъ, великая Земская дума.

Это было въ январѣ 1613 года. Великое дѣло избранія царя „совѣтомъ всея Земли" началось усердными молитвами въ Успенскомъ соборѣ и строжайшимъ трехдневнымъ постомъ, которымъ представители Русской земли хотѣли очиститься отъ грѣховъ смуты. Всѣ единодушно желали, чтобы „царь былъ избранъ Божіимъ повелѣніемъ", а „не многомятежнымъ человѣческимъ хотѣніемъ" „что бы всѣмъ Богъ объявилъ, кому быти государемъ царемъ всея Россіи самодержцемъ". И молитвы ихъ были услышаны: „по данной благодати отъ Святаго Духа вси во единомысліе совокупившеся". Первымъ предварительнымъ рѣшеніемъ Собора бы-

ло — отнюдь не выбирать царя изъ иностранцевъ: „Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ земель людей на Московское государство не хотѣть и не избирать". Если прежде у нѣкоторыхъ бояръ и сильныхъ людей было желаніе имѣть царя-иноземца ради собственныхъ выгодъ, чтобы самимъ получше устроиться, — то теперь это желаніе встрѣтилось съ противоположнымъ ему сильнѣйшимъ общенароднымъ желаніемъ—имѣть царя „изъ своихъ великихъ родовъ". Народное мнѣніе именно иноземцевъ считало повинными въ смутѣ, губившей Россію. Поэтому-то такъ скоро всѣ и согласились на то, чтобы выбрать достойнаго царя изъ своихъ, „изыскавъ изъ русскихъ родовъ, кто бъ прежнимъ великимъ природнымъ государемъ нашимъ царемъ россійскимъ былъ въ сродствѣ".

Послѣ предварительныхъ совѣщаній скоро выяснилось, что ни одна фамилія не пользуется такимъ всеобщимъ сочувствіемъ, какъ фамилія бояръ Романовыхъ. И, вотъ, 7 февраля 1613 года Земскій Соборъ „предъизбралъ" въ цари юнаго

16-лѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, того самого, на котораго указывалъ патріархъ Гермогенъ еще три года назадъ, послѣ низверженія Василія Шуйскаго. На личности Михаила Ѳедоровича Романова сошлись всѣ: и духовенство и дворяне, и земскіе люди, и казаки. Окончательное избраніе отложили на двѣ недѣли: Соборъ желалъ на мѣстахъ узнать мысли народа насчетъ своего избранника и тайно разослалъ для этого во всѣ города „вѣрныхъ и богобоязненныхъ“ людей... Отвѣтъ получился самый отрадный и для всѣхъ желательный. Оказалось, что „во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, во всѣхъ людѣхъ, отъ мала до велика, одна и та же мысль: быть въ Московскомъ государствѣ царемъ Михаилу Ѳедоровичу Романову, а опричь его, великаго государя, никакъ никого на Московское государство не хотѣть“.

Наконецъ, 21-го февраля, въ недѣлю Православія, состоялось окончательное торжественное засѣданіе въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ и избрали „прежнихъ великихъ благородныхъ и благовѣрныхъ и Богомъ вѣнчанныхъ россійскихъ государей царей — отъ ихъ царскаго

благороднаго корени благоцвѣтущую отрасль Михаила Ѳедоровича Романова". Для большей торжественности и широкой гласности Земскій соборъ, чрезъ особую депутацію, возвѣстилъ объ этомъ избраніи народу, наполнявшему Красную площадь. Здѣсь всѣ въ одинъ голосъ закричали: „любовенъ всѣмъ намъ на Московское государство Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ"! Да „будетъ онъ царь-государь Московскому государству и всей Русской державѣ"! Такъ окончательно рѣшено было трудное дѣло избранія царя—„по милости Всемогущаго Бога и по избранію всѣхъ людей". Ни одна династія въ Европѣ не вступала такъ величественно на престолъ, по всенародному выбору, какъ династія Романовыхъ! Послѣ избранія, въ знакъ великой духовной радости и благодаренія Богу, въ Успенскомъ соборѣ совершили благодарственный молебенъ, а затѣмъ новому царю и его царицѣ и ихъ дѣтямъ, „которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ" всѣ „крестъ цѣловали по записи", и „души свои дали", то есть присягали, и утвердили все бывшее грамотою, „за руками и за печатьми", съ „клятвою".

Естественно теперь спросить, какимъ образомъ въ такое Смутное, „лихое“ время на Россійскій престолъ избрали юношу-отрока, а не человѣка пожилого, опытнаго въ дѣлахъ государственныхъ? Можно смѣло сказать, что Михаилъ Ѳедоровичъ избранъ былъ, прежде всего, потому, что онъ былъ „Романовъ“. Это была любимая тогда у Москвичей боярская фамилія, пользовавшаяся общенароднымъ расположеніемъ. Въ народѣ хранилась добрая память о супругѣ царя Іоанна Грознаго Анастасіи Романовнѣ и братѣ ея Никитѣ Романовичѣ, этихъ постоянныхъ заступникахъ народныхъ предъ Грознымъ царемъ. „Никитичи“,—такъ народъ называлъ Романовыхъ по имени своего любимца, дѣда вновь избраннаго царя, Никиты Романовича. А подобное „величаніе“ изстари по настоящее время у коренныхъ русскихъ людей служитъ знакомъ глубокаго уваженія и почитанія. Изъ сыновей Никиты Романовича особенно выдѣлялся своимъ умомъ, характеромъ и способностями Ѳедоръ Никитичъ, впослѣдствіи извѣстный патріархъ Филаретъ, отецъ юнаго царя Михаила.

Фамилія Романовыхъ подверглась сильнымъ гоненіямъ подозрительнаго Годунова, который видѣлъ въ Романовыхъ своихъ главныхъ соперниковъ, а потому и гналъ ихъ особенно жестоко. Всѣ Романовы, по ложнымъ доносамъ и оговорамъ, были разосланы въ ссылку по отдаленнымъ глухимъ угламъ Сѣверной Россіи. Казавшійся наиболѣе опаснымъ, старшій изъ „Никитичей“ — Ѳедоръ былъ насильственно разлученъ съ женой и сыномъ Михаиломъ, будущимъ царемъ, и насильственно постриженъ ь монахи, подъ именемъ Филарета, съ цѣлью лишить его всякой надежды на престолъ *). Изъ сосланныхъ Никитичей трое такъ и не вернулись изъ ссылки и сложили свои кости въ землѣ заточенія. Суровая расправа царя Бориса съ фамиліей Романовыхъ вызывала въ народѣ еще большее сочувствіе къ гонимому и преслѣдуемому боярскому роду.

Но больше всего содѣйствовала извѣстности Романовыхъ, а отсюда и успѣху избранія юнаго

*) Ко времени избранія на царство сына своего Михаила Филаретъ Никитичъ былъ уже митрополитомъ и томился въ плѣну у поляковъ.

Михаила, родственная связь Романовыхъ съ прекратившейся, въ лицѣ царя Ѳедора Ивановича, прирожденной царской фамиліей: новоизбранный царь Михаилъ былъ двоюродный внукъ Ивану Грозному. Наученный горькимъ опытомъ, потерпѣвшій въ продолженіе смуты цѣлый рядъ неудачъ въ выборѣ новыхъ царей, Русскій народъ только то избраніе и считалъ прочнымъ, которое падало на лицо, связанное родственнымъ происхожденіемъ съ царскимъ домомъ. Въ дѣлѣ избранія Михаила Ѳедоровича проявилось и великое народное чувство и русское здравомысліе, ибо новый царь былъ избранъ, согласно древнимъ преданіямъ, изъ своихъ великихъ русскихъ родовъ, кто былъ прежнимъ царямъ въ сродствѣ.

Къ новому царю Соборъ отправилъ пословъ въ Кострому въ Ипатьевскій монастырь, чтобы отъ всей Русской земли торжественно просить Михаила на царство. Послы Земскаго собора, прибывъ въ Кострому, пошли со всѣми костромичами крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ тогда Михаилъ съ инокиней-матерью Марѳой Ивановной. Посольство

прочитало имъ грамоту Земскаго собора объ избраніи всей Русской землей Михаила на царство. Но Марѳа согласія своего не дала.

„Его-ли юнаго отдамъ вамъ въ цари?“ говорила она. „Люди русскіе! Вспомните прошедшее: всѣ вы измалодушествовались. И кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда, судомъ Божіимъ, не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его,—и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василію, — и поѣхали къ Тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны и непостоянство? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками, народъ страждетъ, обѣднѣлъ“.

„Благослови только великая инокиня!“. Возражалъ ей архіепископъ Ѳеодоритъ, бывшій во главѣ посольства. „Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи наши и наказаніе

Божіе за нихъ. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ; мы всей Землей русской избрали его... хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ!"...

Но тщетны были эти слова: Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались... Тогда архіепископъ, указывая на иконы, принесенныя изъ Москвы, вновь сталъ убѣждать Михаила и матерь его.

„Если вѣришь имъ, сказалъ владыка, указывая на образа, вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, — они дадутъ тебѣ силы царствовать... Преклонись предъ ними и повинуйся!"...

Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство приблизилось къ ней съ образами; послы, воины и народъ повергліись предъ нею на колѣна и просили о согласіи. Но мать инокиня колебалась... Тогда архіепископъ въ отчаяніи обратился къ ней съ послѣдними словами:

„Такъ вы не внемлете мольбамъ нашимъ; мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и

слезы наши. Бѣдствуй, Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть снова плачетъ народъ! Но на тебя, Михаилъ, отнынѣ падетъ бѣдствіе отчизны. А ты, инокиня благочестивая, будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ!".

Тогда Марѳа поверглась предъ иконами и дала согласіе. Архіепископъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила царскій наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ и затѣмъ на благодарственномъ молебнѣ многолѣтствовали царя Михаила.

Въ мартѣ мѣсяцѣ отправился Михаилъ въ Москву, сопровождаемый великимъ земскимъ посольствомъ, а въ іюлѣ торжественно вѣнчался царскимъ вѣнцомъ, по древнему обычаю.

„Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ Михаила на царство", говорилъ народъ. „Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхвованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи!"...

Съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича Романова, окончилась и „великая смута" въ Рус-

скомъ государствѣ. Точка опоры для русскихъ людей была найдена. Именемъ его должно было довершиться все остальное.

Да будетъ же безсмертная слава первому представителю царственнаго дома Романовыхъ! Онъ принялъ на себя „великое дѣло“ царскаго правленія въ такія тяжелыя для Русскаго государства минуты, — „бремя, выше мѣры возлагаемое“.

Слава и матери царской, „государынѣ великой старицѣ инокѣ Маѳѣ Ивановнѣ“! Она отдала на благо Русской земли „свѣтъ очей своихъ“, своего единственнаго возлюбленнаго сына, а тогда уже „государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца“.

Утверженная грамота 1613 года

объ избранiи на Московское государство Михаила Θедоровича Романова.

Великого Господа Бога Отца, страшнаго и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающего во свѣтѣ неприступнѣмъ, въ превелицѣй и въ превысочайшей и велелѣпной и святѣй славѣ величествiя своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстѣмъ съ превѣчнымъ и единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Iисусъ Христомъ и съ божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, Имъ же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно божественныя и равночестныя и равно сопрестольныя и равносильныя и равносовѣтныя и равнодѣйственныя и равносущныя и сприсносущныя и собезначальныя и единоначальныя и трисоставныя и нераздѣльныя въ трiехъ составѣхъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непреодолѣннаго и

всякія силы крѣпчайшего, Имъ же царіе царствуютъ и велицыи величаютца,—сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и не изрѣченнымъ премудрымъ Промысломъ всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создаваетца и отъ не сущихъ въ существо приводитца и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца, отъ Него же пріимша Земля наша руская своими государи обладаема быти.

Послѣ такого начала грамота излагаетъ: 1) свѣдѣнія о русскихъ государяхъ, отъ Рюрика, 2) о событіяхъ Смутнаго времени, послѣдовавшаго за смертью царя Ѳедора Ивановича, 3) объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, 4) объ избраніи въ Москвѣ царемъ Михаила Ѳедоровича Романова, 5) объ отправленіи къ нему посольства въ Кострому, 6) о посылкѣ изъ Костромы грамотъ въ Москву съ извѣстіемъ о согласіи Михаила Ѳедоровича на принятіе царской власти, 7) о челобитьѣ изъ Москвы къ царю о скорѣйшемъ прибытіи въ Царствующій градъ и 8) и соборный приговоръ о составленіи утвержденной грамоты.

Грамота оканчивается такъ.

Бояре же и дворяне и весь царскій сигклитъ и приказные люди и гости и всѣ православные хрестьяне велегласно вси, яко едиными усты, вопіяху, глаголюще: цѣловали есмя животворя-

щій крестъ и обѣтъ дали и нынѣ даемъ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и небеснымъ силамъ и великимъ чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ и всѣмъ святымъ, и васъ святителей и весь освященный вселенскій соборъ во свидѣтельство представляемъ, что за великого государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всея Русіи самодержца, и за его благовѣрную царицу и великую княгиню и за ихъ царскіе дѣти, которыхъ имъ государемъ впередъ Богъ дастъ, души свои и головы положити и служити имъ государемъ нашимъ вѣрою и правдою, всѣмъ душами своими и головами; и противъ ихъ государевыхъ недруговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣметцкихъ и крымскихъ людей, и противъ ихъ государевыхъ измѣнниковъ Ивашка Зарутцково и иныхъ битися до смерти; и иного государя, мимо государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, и ихъ царскихъ дѣтей, которыхъ имъ великимъ государемъ впередъ Богъ дастъ, изъ иныхъ государствъ и изъ московскихъ иноземцевъ и родовъ и Маринки съ сы-

номъ не искати и не хотѣти. А хто похочетъ, мимо государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, и его дѣтей, которыхъ имъ государемъ впередъ Богъ дастъ, искать и хотѣти иного государя изъ какихъ людей ни буди, или какое лихо похочетъ учинити,— и намъ бояромъ и окольничимъ и дворяномъ и приказнымъ людемъ и гостемъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ на того измѣнника стояти всею Землею за одинъ...

Митрополиты же и архіепископы и епископы со всѣмъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ слыша отъ нихъ сія, паки глаголютъ къ нимъ: Елма убо о семъ толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и обѣщаетеся, что вамъ такимъ къ великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Русіи единодушнымъ быти; тѣмъ же подобаетъ намъ и, грамоту утвержденную написавша, утвердитися и вся, яже глаголемая и дѣйствуемая въ настоящее сіе время, и наши скорби и разоренье Московскому государству отъ польского и отъ нѣмецкого королей въ ней написавше, намъ государевымъ богомольцомъ руки свои приложити и печати свои при-

вѣсити, а вамъ царского величества бояромъ и окольничимъ и княземъ и воеводамъ и дворянномъ и всякимъ приказнымъ людемъ и гостемъ и выборнымъ людемъ, которые изо всѣхъ городовъ всего великого Россійского царствія пріѣхали къ Москвѣ для государского обиранья, руки свои приложити на большое утверженіе и единомысліе: да будетъ впередъ крѣпко и неподвижно и стоятельно во вѣки, какъ къ сей утвержденной грамотѣ написано, и на чемъ по записи преже сего крестъ животворящій цѣловали.

Сія же слышавъ, бояре и дворяне и приказные люди и гости и христолюбивое воинство и все православное хрестьянство, вси единогласно глаголаху: Благословенъ глаголъ вашъ отъ Бога, великіе святители, пастухи душамъ нашимъ! Святого Духа преисполнени вси глаголы устъ вашихъ. Подобаетъ тако быти, яко же глаголете.

Слышавше сія митрополиты и архіепископы и епископы приговоръ о утвержденной грамотѣ всего освященнаго собора и государевыхъ боляръ и весь царскій сигклитъ и христолюбивое воинство, повелѣ писати сію утвержденную грамоту, и да незабвенно будетъ писаное въ ней въ роды и роды

и во вѣки. Ея же по малѣ времяни написавше, и прочтоша сію утвержденную грамоту на вселенскомъ соборѣ и, выслушавъ, на большое во вѣки укрѣпленіе митрополиты и архіепископы и епископы руки свои приложили и печати привѣсили, а архимариты и игумены и честныхъ монастырей соборные старцы руки свои приложили, а боляре и окольничіе и дворяне и діяки думные руки же свои приложили на томъ, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написано, съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора и боляръ и дворянъ и всѣхъ чиновъ всякихъ людей царствующаго града Москвы и всея Рускія земли, всему инако не быти, а быти такъ во всемъ по тому, какъ въ сей утвержденной грамотѣ писано. А кто убо и не похощетъ послушати сего соборново уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ина и молву въ людѣхъ чинити, и таковый, аще отъ священныхъ чину и отъ бояръ царскихъ сигклитъ и воинственныхъ, или инъ хто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди,—по священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и вселенскихъ седми соборовъ святыхъ отецъ и помѣстныхъ и по соборнему уложенію

всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ и отъ церкви Божія отлученъ и святыхъ Христовыхъ Таинъ пріобщенія, яко раскольникъ церкви Божія и всего православнаго хрестьянства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ законамъ месть воспріиметъ, и нашего смиренія и всего освященнаго собора не буди на немъ благословеніе отнынѣ и до вѣка, понеже не восхотѣ благословенія и соборнаго уложенія послушанія,—тѣмъ и удалися отъ него и облечеся въ клятву. Егда же написавше и совершихомъ сію утвержденную грамоту и святительскими рукама укрѣпльше и печатми своими утвердивше, вкупѣ и болярскими руками и честныхъ монастырей архимаритовъ и игуменовъ и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утвержденія, тогда митрополиты и архіепископы и епископы съ архимариты и съ игумены и съ соборными старцы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ боляры и съ дворянъ и съ приказными людьми, яко, да вкупѣ духовный совѣтъ сотворше, соборне изберутъ мѣсто и повѣдятъ вкупѣ, въ немъ же аще, сохранно утвердивше, положити сію утвержденную

грамоту, да будетъ твердо и неразрушимо въ впредь идущая лѣта въ роды и роды, и не прейдетъ ни едина черта или іота едина отъ написанныхъ въ ней, ничесоже. И тако, вси вкупѣ совѣщавшеся и твердымъ согласіемъ Святого Духа, положиша ю въ хранила царскіе къ докончальнымъ и утвержеммымъ грамотамъ *).

А уложена бысть и написана сія утвержеммая грамота за руками и за печатьми великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ первое лѣто царства его, а отъ созданія міру 7121-го индикта 11-го маія въ — день.

---

*) Въ настоящее время эта грамота находится въ Государственномъ древлехранилищѣ (при Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ).